

А.А. Еремекбаев

*Казахский университет международных отношений и мировых языков, Алматы, Казахстан
(E-mail: adilbeke@gmail.com)*

Изменение внешней политики Турции: от кемализма до неосманизма (основные внутренние и внешние факторы)

В данной статье рассматриваются вопросы изменения внешней политики Турции на рубеже XX–XXI вв. После поражения в Первой мировой войне и установления власти Мустафы Кемали Ататюрка Турция отказалась от своих геополитических амбиций. Основным приоритетным направлением для Турции долгое время рассматривались отношения со странами Европы и США. Но в 90-е годы прошлого века произошли первые изменения, прежде всего во внутренней политике: приход к власти религиозных групп и постепенное ослабление контроля военными над внешней политикой. Современная Турция не скрывает своих амбиций во внешней политике, она уже зарекомендовала себя как лидер мусульманского мира. Кардинальные изменения внешнеполитических ориентиров произошли с приходом к власти Партии справедливости и развития. В статье также рассматривается электоральный состав сторонников данной партии.

Ключевые слова: Турция, кемализм, неосманизм, Партия справедливости и развития, Эрдоган, Джемаат.

Кемалистская Турция с подозрением относилась к соседним арабским режимам. Правительства республиканцев придерживались мнения о постоянной угрозе арабского «ножа в спину». Этот навязчивый образ, который описывает арабскую поддержку британской цели расчленить Османскую империю во время Первой мировой войны, оказал глубокое влияние на формирование восприятия республикой своих непосредственных соседей. Кемалистская элита и политический класс в Турции более семидесяти лет рассматривали период Османской экспансии на Ближнем Востоке и Балканах как катастрофическую политику, которая почти закончилась крахом турецкого государства.

В своей современной истории Турция была больше нейтральной страной, она отказалась от идеи господства в регионе и от своего имперского прошлого в пользу интеграции с Западом. Более четырех столетий Турция являлась самой главной мусульманской страной; в период доминирования кемалистских идей лидеры республики неохотно демонстрировали свои геополитические интересы.

Однако, несмотря на приверженность Турции западному альянсу и его намерениям присоединиться к Европейскому союзу, турецкие лидеры все больше осознавали, что их страна стремится на Запад в роли регионального лидера Ближнего Востока и представителя мусульманского мира. В частности, в период после окончания холодной войны Турция пыталась спроецировать образ растущей мировой державы, которая стремительно возвращается к своим бывшим имперским амбициям.

Традиционно во внешней политике Турции подчеркивалась склонность к Realpolitik. Вхождение Турции в НАТО в 1952 г. укрепило роль страны в качестве оплота против коммунистической экспансии на Ближнем Востоке и установило основные принципы турецкой внешней политики в годы холодной войны. Однако, несмотря на попытки ранних западных модернизаторов Турции отделить страну от имперской истории, ностальгия по Османской империи как центру мусульманского мира продолжала оказывать влияние на турецкий электорат. Религиозная мотивация большинства турецких граждан всегда была открыта для манипуляций со стороны политических лидеров, исповедующих разнообразную привязанность к ценностям ислама — от бывших премьер-министров Тургута Озала (1983–1989) и Нежмеддина Эрбакана (1996–1997 гг.) до нынешнего президента Эрдогана, однако конец периода холодной войны оказал резкое влияние на геополитику Запада. Классические геополитические рамки холодной войны, основанные на военной безопасности, изменились, что привело к изменению значения Турции в новой архитектуре безопасности.

На региональном уровне факторы, влияющие на внешнюю политику Турции, варьировались от вакуума, сформировавшегося после войны в Ираке в 2003 г., до ухудшения курдской проблемы, с меняющейся динамикой арабо-израильского конфликта. Последний предоставил Турции возможность усилить роль посредника в региональных конфликтах, особенно в период до операции «Литой свинец» в Газе зимой 2008–2009 гг. Что еще более важно, эти факторы включают ослабление влияния Соединенных Штатов в регионе и застопорительные переговоры о членстве Турции в Европейском

союзе. США воспринимались Турцией как менее надежный союзник, потому что американцы усугубляли позиции Турции по курдскому вопросу в 2003–2007 гг. Будучи страной-кандидатом в ЕС в 2004 г., перспектива членства в ЕС превратилась в разочарование, которое усилило поиск важной роли в мусульманском мире. Все эти тенденции в направлении отхода от Запада оказали мощное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Турции.

Перемены в политике Турции в отношении ее соседей являются драматическими и объясняются только совокупностью международных, региональных и внутренних факторов. Системные изменения на международном и региональном уровнях после распада Советского Союза несут ответственность за смену общей внешней политики Турции. Когда Вашингтон и его европейские союзники устремились заполнить геополитический вакуум в Евразийском Хартленде, они попытались установить Турцию как модельную страну, которая сочетает модернизированный, или «умеренный», ислам с секуляризмом в этом географическом пространстве [1; 35]. Фактически, политики Вашингтона, в том числе тогдашний президент Джордж Буш-старший, предложили, чтобы Турция с ее суфийской исламской традицией и светскостью режима могла служить прекрасным примером сосуществования современности и ислама; поэтому идея была названа «турецкой моделью». Тем временем отсутствие ясности самой концепции создало политический и социальный хаос глобальных масштабов в этом процессе. Турция была воодушевлена политикой США обратиться к исламистам в других мусульманских странах и поддержать эти движения. По сути, некоторые американские политики, совсем недавно в администрации Обамы, попытались пересмотреть ислам и подчинить его американским интересам в регионе, введя новое поколение так называемых «умеренных» исламистов, главным образом среди арабов [2; 49].

Без надлежащего веса, учитывая внутреннюю трансформацию Турции и, самое главное, появление неоосманистской идеологии, готовность Партия справедливости и развития (ПСР) отменить традиционную политику Турции в отношении региона и продвигать «нулевые проблемы с соседями» на основе прославления Османского прошлого была бы невозможной.

Внутренние контуры внешнеполитического истеблишмента Турции, как известно, были раздроблены, состояли из институциональных субъектов, таких как премьер-министр, генеральный штаб ВС, которые должны работать в соответствии с демократически избранным законодательным органом. В соответствии с конституцией 1981 г. для координации политики был создан Совет национальной безопасности Турции — Милли Гювенлик Курулу (МГК). Учитывая политическую историю Турции в отношении нестабильных коалиционных правительств и коррупционных скандалов, не удивительно, что до того, как к власти пришла ПСР, политический эшелон страны обладал гораздо меньшим общественным доверием и поддержкой, чем военные, которые считались оплотом светской республики Ататюрка. Хотя главную роль в принятии решений в области внешней политики традиционно возлагали на военную и другую государственную бюрократию через механизм МГК, институциональные и конституционные реформы ПСР в Турции сократили полномочия данного совета.

В то время как кемализм и светский истеблишмент являлись основой Турции, появились новые элиты с новым отношением к внешней политике и к управлению государством. Прежде всего, участие общественности во внешнеполитических дискуссиях значительно расширилось. Критический вклад в новое мышление ПСР был сделан Ахмедом Давутоглу в 2001 г., когда он выдвинул концепцию «стратегической глубины». Истоки подхода Давутоглу к геополитике можно отнести к неоосманизму Озала и многомерной внешней политике правительства Эрбакана конца 90-х годов. Его основной тезис заключается в том, что стратегическая глубина основывается как на географической, так и на исторической глубине. Поэтому Турция, в силу своего исторического наследия Османской империи, обладает большой географической глубиной. По мнению Давутоглу, «эта ключевая географическая глубина заставляет Турцию находиться в центре многих геополитических событий» [3; 948]. Его концепция «стратегической глубины» состояла из четырех основ:

- географическая глубина — происходит от географического положения Турции с равным доступом к Балканам, Ближнему Востоку, Центральной Азии и России;
- историческая глубина — связана с общей историей Османской империи в регионе, которая ставит Турцию как государство-преемник Османской империи в уникальное положение, чтобы использовать такую позицию как средство дипломатии;
- геокультурное влияние — связано с нынешними культурными общими чертами с пост-османским миром, который возникает из этого общего наследия;

– геоэкономическое значение положения Турции как страны транзита для поставок энергии в Европу. Это геоэкономическое значение дополняется потенциалом растущего турецкого экспортно-го рынка не только для Европы и США, но и для России.

Эта «стратегическая глубина» оснащает Турцию уникальными возможностями в мировой политической экономике, которая, по словам Давутоглу, может быть основой более активной внешней политики Турции. Инициативы Давутоглу во внешней политике были направлены на создание сферы нулевых проблем вокруг Турции. Концепция Давутоглу была «самым систематическим, содержательным и всеобъемлющим видением» стратегического положения Турции.

Доктрина стратегической глубины была заложена в новом дискурсе, узаконившем идеологию ПСР. Память о пагубной политике Османской экспансии на Ближнем Востоке и Балканах была отклонена руководством ПСР. Партия стала быстро набирать авторитет среди исламистов и сторонников наследия Османской империи.

Это новое неоосманистское направление является отражением глубоких социальных преобразований и духовно меняющегося состава турецкой элиты и общества. Это также кульминация новых идейных нововведений, возникших в период президентства Тургута Озала (1989–1993). Неоосманизм — это идеология новой турецкой элиты, которая начала формироваться в Центральной Анатолии в конце 1980-х годов. Эта группа элит возникла в основном из представителей консервативного и религиозного низшего класса, т.е. из городских жителей и сельского населения — мигрантов. Возникновение нового предпринимательского среднего класса было неизбежным, так как реформы Озала привели к росту социальной мобильности и миграции в крупные города, особенно в Стамбул, сельских жителей.

«Анатолийские тигры», успешные религиозно-консервативные бизнесмены, популяризировали идеологию, используя цитаты из Корана, и утверждали, что Пророк благословил торговлю и развитие в целом. В то же время население Кайсери, оплота анатолийских тигров, выросло за пятьдесят лет в десять раз — с 65 000 до 600 000 человек. Это движение получило название «исламский кальвинизм» [4; 20]. Сторонники этой идеологии используют дискурс протестантской этики религиозных достоинств работы и необходимость спасти, благословить мирской аскетизм и высшее образование. Новая элита в результате образования и урбанизации привнесла новые взгляды и идеи в политический дискурс. Взгляды растущей политической элиты широко расходились с классическим кемализмом, поддерживаемым Анкарой. Идеология новой элиты, очерченная имперской ностальгией, подчеркивает роль малого бизнеса, политики невмешательства государства в экономику в сочетании с консервативными ценностями турецкого общества. Важный вклад в эту идеологическую тенденцию внесла Хунер Сэнкан, автор книги «Мусульманин в деловой жизни».

Еще одним влиятельным течением среди «турецких кальвинистов», поддержавших ПСР, были последователи турецкого суфийского проповедника Саида Нурси (1876–1960), который призвал своих приверженцев изучать западную науку и современные технологии, не отказываясь от традиционных исламских ценностей. Это были представители низшего среднего класса из Центральной Анатолии, сформировавшие собственный союз исламских бизнесменов, MÜSİAD, который пропагандирует эту религиозную связь между исламом и ценностями свободного рынка. Фактически, членство MÜSİAD представляет собой важную, возможно, решающую, поддержку ПСР на местных и национальных выборах.

Среди исламистских групп, которые поддерживали ПСР, самым влиятельным и самым крупным являлось сообщество Гюлена, известное как Джемаат/хизмет. Движение Гюлена во главе с Фетуллахом Гюленом, который в настоящее время проживает в США, является самым эффективным и сильным сообществом с геополитическими и имперскими амбициями. Община имела тысячи колледжей и средних школ по всей Турции; 75 процентов 2-миллионного контингента учащихся в школах Турции пополняли ряды сторонников Гюлена. Одновременно сообщество имело более сотни средних школ и десятки университетов в 110 странах мира. Сообщество имело заметное влияние в экономической, политической и культурной сферах, что позволяло ему действовать в качестве третьей силы в турецкой политике после ПСР и военных. Хотя Гюлен утверждает, что его партия не является политической и не хочет участвовать в политической сфере, она фактически занималась политикой, затрагивающей турецкую и международную политическую сферу.

Целью движения Гюлена в 1980-х и 1990-х годах было создание широкой сети сообществ, которая позиционировала себя как альтернативу политическому исламу, который отрицал западные ценности. Одновременно сообщество Гюлена выступало против светского кемалистского истеблишмен-

та. Движение неизмеримо усилило свое финансовое, культурное и политическое влияние, на него работало множество издательств, в том числе популярная газета «Заман», журнал «Сизинти» и средства массовой информации «Саманьоло ТВ», «Мелтем ТВ» и радио «Дюня». Гюленисты были и в государственных учреждениях, включая жандармерию и полицейские силы. Что еще более важно, многие члены Джемата заняли ключевые позиции в правительственных учреждениях и правящей партии. Фактически, многие члены Джемата занимали посты в министерстве иностранных дел Турции. Всякий раз, когда министр иностранных дел Турции посещал другую страну, он посещал школы Гюлена.

Внутренняя политика Фетуллы Гюлена была направлена против конституционной системы светской Турции, вытекающей из модернизации кемалистов, и исключения ислама из общественной сферы. По словам Гюлена, модернизация кемалистов игнорирует место духовности в жизни человека и ограничивает ислам в частной сфере. Сообщество Гюлена выступало за выход религии из частной в общественную сферу, проводя каждый аспект жизни в соответствии с его учениями. В этом смысле сообщество Гюлена выступало против территориальных определений турецкого национализма, которые преимущественно исходили из кемалистского национализма и государственности. Гюлен — приверженец Османской империи и распространяет среди своих последователей наднациональную модель.

Для достижения этого экспансионистского видения сообщество поддерживает интеграцию Турции в Европейский союз и процесс глобализации, видя Турцию в западной геополитической сфере, превратив ее в мост в исламский мир и в Азию. По мнению Гюлена, гегемония над тюркским миром, над бывшими советскими республиками может снова превратить Турцию в великую державу благодаря трансформации Турции из светского национального государства в Османскую империю. Средством для этой цели являются открытие школ во всем мире для исламизации и «тюркизации» этих регионов, особенно в тюркских республиках бывшего СССР. Эти школы исламизируют общины, в которых они расположены, а также способствуют мягким турецким этнонационалистическим настроениям.

Будучи резидентом США, Фетуллах Гюлен осведомлен о значительном влиянии организованной еврейской общины в американской политике и ее продвижении в качестве экуменического лидера, который чувствителен к еврейским проблемам, в том числе к Израилю. Разнообразные взгляды на турецкую политику в отношении Израиля привели к усилению напряженности между Джематом и правительством Эрдогана.

Острый конфликт вспыхнул в 2010 г., после инцидента с флотилиями Мави-Мармара, когда Гюлен открыто критиковал Эрдогана за его высокомерие в проведении внешней политики. В интервью влиятельной американской газете Гюлен сказал, что организаторы флотилии не смогли договориться с Израилем, прежде чем пытаться оказать помощь, что было «признаком слабости власти». Далее он добавил: «То, что я видел, было нехорошо, и это было уродливо» [5; 3].

Значительная часть турецкой политической элиты, в том числе бывшие президенты Тургут Озал (1989–1993) и Сулейман Демирель (1993–2000), была убеждена, что в эпоху после окончания холодной войны Турции необходимо вернуться в свой исторический дом, т.е. укрепить свою позицию на Ближнем Востоке, улучшить свои исторические связи с вновь независимыми тюркскими государствами и ослабить напряженность с Россией.

Турецкий наблюдатель Киванч Галип Овер, который занимал пост главы Секретариата Президента, Генерального секретаря по вопросам информации и публикаций в Администрации Ахмета Сезара в 2003 г. утверждал, что «недавние события показали, что позиции Турции на Западе будут зависеть от степени турецкого влияния на Востоке» [6].

Евразийское будущее внешней политики Турции как альтернатива членству в ЕС и союзу с Западом также было предложено некоторыми высокопоставленными офицерами ВС, такими как генерал Хюсейн Киврикоглу, глава турецкого генерального штаба (1998–2002 гг.), и генерал Тюнер Клинич, бывший генеральный секретарь Совета национальной безопасности (2002).

Это евразийское измерение внешней политики Турции было подтверждено визитом высокого уровня в тюркские государства, предпринятой Эрдоганом после его первой победы на выборах зимой 2003 г. За ним последовало приглашение президенту Владимиру Путину посетить Анкару. Кемалистский истеблишмент находился в консенсусе с политикой Эрдогана, о чем свидетельствуют заявления, сделанные президентом Ахмедом Сезаром.

Глубоко религиозное османское понятие «Кизил Эльмы» (красное яблоко), которое подразумевает неизбежное мировое господство мусульманской Турции, возродилось как геополитическое ви-

дение Турции в эпоху после окончания холодной войны турецкими националистическими элитами. Поиски «Кизил Эльмы» стали основным мотивом турецкой внешней политики после эпохи Озала, а при «умеренном» исламистском правительстве АКР он перешел в высшую степень.

Одним из основных детерминантов турецкой внешней политики с 1992 г. было стремление стать доминирующей силой на Большом Ближнем Востоке — в регионе, который включает обширную географию, простирающуюся от Центральной Азии до Магриба [7]. Таким образом, Турция ищет роль главного модератора и «куратора» или посредника взаимодействия в регионах, прилегающих к Турции: на Кавказе, Балканах и Ближнем Востоке. Поступая таким образом, политическое руководство Турции сформулировало видение того, как Турция играет ту роль, которую в регионе играла Османская империя. Это новое направление внешней политики Турции противоречит духу основателя республики Ататюрка, который постулировал, что Турция должна воздерживаться от любых грандиозных проектов в своей внешней политике и вместо этого сосредоточить свои ресурсы на национальном развитии в пределах Анатолии. Ататюрк указал, что единственным грандиозным проектом или призванием для Турции должен стать процесс европеизации.

Когда ПСР выиграла всеобщие выборы в ноябре 2002 г. с 35 процентами голосов, она получила 365 мест в парламенте Турции в Меджлисе. Последовательное увеличение депутатских мест укрепило мнение доминирующей стороны о том, что она имеет законное право для влияния Турции на глобальном уровне. В рамках ПСР сфера внешней политики постепенно подпадает под гражданский контроль, в то время как военные были исключены из процесса принятия решений в области внешней политики. Партия избегала прямой конфронтации с Соединенными Штатами и объявила о вступлении в ЕС в качестве своей главной цели. США даже пытались оказать давление на европейские столицы и Брюссель, чтобы ускорить процесс интеграции Турции в Европу в обмен на ее сотрудничество в Ираке. Однако американские усилия не смогли убедить европейских лидеров на саммите в Копенгагене, и это решение было отложено до 2004 г.

Неоднократное разочарование в своих западных союзниках побудило Турцию искать альтернативное направление в своей внешней и внутренней политике. Между тем российский вектор внешней политики Турции стал сильнее, особенно после начала строительства в 2002 г. проекта «Голубой поток», важного для энергетической безопасности Турции. Турция все больше зависит от поставок российского природного газа, а его сектор туризма, источник значительных доходов для национальной экономики, также в значительной степени зависит от России. Кроме того, Россия стала крупным рынком для строительных компаний Турции.

Доктрина стратегической глубины Давутоглу, уделяя меньше внимания национализму, чем традиционная кемалистская идеология, подчеркивает мусульманскую солидарность и транснациональную концепцию уммы — мусульманской общины. Национальный дух может быть как источник гордости для турецких мусульман, за его наследие и традиции. Турецкий народ полон решимости вести другие мусульманские народы на пути к западному уровню жизни, представительной демократии и современности. Эти широкие концепции возрождают дух неосманизма. Политики, представленные внутренним кругом ПСР, которые приняли это видение, имеют долгосрочную глобальную повестку дня с целью превращения Турции в основную державу к 2023 г., — столетию республики. Новая турецкая элита реализует эту программу с усердием, самоотверженностью и изощренностью. Если в период до консолидации власти ПСР (2002-2007 гг.) ни один из этих политиков не провозглашал лозунгов о «восстановлении империи» или «новой великой империи», то Давутоглу открыл свое неосманское видение: «Турция может стать объединением наций, равно как и союз Великобритании с ее бывшими колониями, ... Почему Турция не должна восстанавливать свое руководство на бывших османских землях на Балканах, Ближнем Востоке и в Центральной Азии?» [8].

Существенным для этого возрождения Османского наследия были растущие экономические интересы и региональный динамизм, представленные в результате подъема новых сельских анатолийских предприятий, возглавляемых благочестивыми мусульманами, конкурирующими с традиционными столичными предприятиями Эгейского моря. Эти анатолийские компании стали активными сторонниками дальнейшей экспансии Турции на развивающиеся рынки Ближнего Востока, а не на европейские рынки. Было бы трудно понять внешнюю политику Турции в отношении таких стран, как Объединенные Арабские Эмираты, Иран, Ирак и Сирия, не принимая во внимание эти новые группы деловых интересов. Следовательно, экономические интересы этих групп сыграли важную роль в усилиях правительства по содействию расширению торгово-экономического сотрудничества с Ближним Востоком.

В период с 2002 по 2008 гг. экспорт Турции в арабский мир увеличился в пять раз и достиг 25 млрд долл. США. Со значительным увеличением промышленного производства Турция стремилась к крупным конкурентным рынкам среди своих арабских соседей в таких секторах, как строительство, продукты питания и химия.

В результате своих центральных анатолийских корней и более консервативного мусульманского мировоззрения ПСР сосредоточилась на объединяющем характере Османской империи и мусульманских ценностей, унаследованных Турецкой Республикой в качестве ключевых столпов ее внутренней и внешней политики.

12 июня 2011 г. Эрдоган использовал неоосманскую риторику в другом важном случае, когда он выступил с речью в ночь своей третьей победы на национальном уровне. Он сказал, что «Сараево сегодня выиграл столько же, сколько в Стамбуле. Бейрут выиграл столько же, сколько в Измире. Дамаск выиграл столько же, сколько Анкара. Рамаллах, Наблус, Дженин, Западный берег и Иерусалим выиграла столько же, сколько Диярбакыр» [9].

Эрдоган и Гюль являются проницательными политиками и гибкими дипломатами, которые настроены на дипломатическую деятельность, которую они называют дипломатией «ритмической» или «нулевой проблемой с соседями», приписывают это серьезное изменение в турецкой внешней политике конкретным личностям. Нынешнее турецкое руководство понимает, что в ближайшем будущем оно не сможет усилить свое влияние во всем османском регионе. Таким образом, руководство ПСР предпочло использовать мягкий энергетический подход.

Среднесрочная цель Турции заключается в том, чтобы заработать внутреннюю и международную легитимность, укрепляя отношения с мусульманскими странами, такими как Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан. Турецкое руководство предприняло усилия, чтобы стать арбитром и посредником многих региональных конфликтов на Балканах, на Кавказе и на Ближнем Востоке путем участия в межправительственных организациях, таких как ОБСЕ, а также в рамках членства в НАТО. Участие в этих структурах позволяет Турции проявлять большую гибкость и престиж на мировой арене.

В то время как США, Великобритания в Европейской комиссии поддерживали идею членства Турции в ЕС, против выступали Франция и Германия. Последние рассматривают дрейф Турции на Восток как неявное признание принадлежности Турции к другой цивилизации или культуре.

Таким образом, изменения внешней политики Турции произошли в результате прихода власти Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом; данная партия получила поддержку сельских жителей и преимущественно религиозных групп. Усиление влияния ПСР — это прежде всего результат неэффективной политики республиканцев-кемалистов. После распада СССР западные страны, в частности США, не рассматривали Турцию как стратегического партнера, проблема Северного Кипра и позиция Греции поставили крест на стремлении Турции к вступлению в ЕС. Неудачи республиканцев-кемалистов во внешней политике, коррупция, сопровождавшаяся сложностями в экономическом развитии, усиление религиозного самосознания Турции стали причиной успехов ПСР и Эрдогана.

Список литературы

- 1 Bal I. Turkey's Relations with the West and the Turkic Republics: The Rise and Fall of the «Turkish Model» / I.Bal. — Ashgate, 2000. — P. 232.
- 2 Fuller G. The Future of Political Islam / G.Fuller // Foreign Affairs. — March/April. — 2002. — Vol. 8. — P. 48–60.
- 3 Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy / A.Murinson // Middle Eastern Studies. — 42(6). — P. 947–61.
- 4 Yavuz H. Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism / H.Yavuz // Critique. Spring. — 1998. — Vol. 12. — P. 19–43.
- 5 Lauria J. Reclusive Turkish Imam Criticizes Gaza Flotilla / J. Lauria // Wall Street Journal. — 2010. — June 4.
- 6 Торбаков И. Геополитическое давление вынуждает Турцию пересмотреть международные варианты [Электронный ресурс] / И. Торбаков. — Режим доступа: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/-articles/eav012203.shtml>.
- 7 Achcar G. Fantasy of a Region that Doesn't Exist: Greater Middle East: the US plan [Electronic resource] / G. Achcar. — Access mode: <http://mondediplo.com/2004/04/04world>.
- 8 Jackson D. How WikiLeaks cables capture 21st-century Turkey [Электронный ресурс] / D. Jackson. — The Washington Post. — December 5. — 2010. — Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/12/05/AR2010120503428.html>.

9 Сайт газеты «The economist» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.economist.com/blogs/newsbook/2011/03/turkey_and_its_region.

А.А. Еремекбаев

Түркияның сыртқы саясатындағы өзгеріс: кемализмнен неоосманизге (негізгі ішкі және сыртқы факторлар)

Мақалада XX–XXI ғасырлар тоғысында Түркияның сыртқы саясатының өзгеру мәселелері талқыланды. Бірінші дүниежүзілік соғыс нәтижесінде жеңіліске ұшырап және соңынан Мұстафа Кемал Ататүрік билігі орнағаннан кейін, Түркия өзінің геосаяси амбицияларынан бастартты. Түркия үшін басты басымдық ретінде еуропалық елдермен және АҚШ-пен қарым-қатынас орнату алдыңғы орынға шықты. Бірақ өткен ғасырдың 90-жж., ең алдымен, ішкі саясатта бірнеше өзгерістер орын алды, діни топтардың саясатқа араласуы және әскерилер тарапынан сыртқы саясатқа деген бақылаудың әлсіреуі басталды. Қазіргі заманғы Түркия мұсылман әлемінің көшбасшысы ретінде саналады және сыртқы саясатта өзінің амбициясын жасырмайды. Сыртқы саяси басымдықтардың өзгеріске ұшырауы «Әділеттілік және даму» партиясының билікке келуімен жүзеге асты. Мақалада сондай-ақ осы партияның жақтастарының топтық құрамы қарастырылды.

Кілт сөздер: Түркия, кемализм, неоосманизм, «Әділеттілік және даму» партиясы, Эрдоган, Жамаат.

A.A. Yermekbayev

The change in Turkey's foreign policy: from Kemalism to Neo-Ottomanism (the main internal and external factors)

This article discusses the changes in Turkey's foreign policy at the turn of the 20th and 21st centuries. After the defeat in the WWI and the establishment of the power of Mustafa Kemal Ataturk, Turkey abandoned its geopolitical ambitions, the main priority for Turkey for a long time were considered relations with the countries of Europe and the United States. But in the 90s of the last century, the first changes occurred, primarily in domestic politics, the coming to power of religious groups, and the gradual weakening of military control over foreign policy. Modern Turkey does not hide its ambitions in foreign policy, it has already established itself as the leader of the Muslim world. Coordinated changes in foreign policy landmarks occurred with the coming to power of the Justice and Development Party. The article also examines the electoral composition of the supporters of this party.

Keywords: Turkey, Kemalism, Neo-Ottomanism, Justice and Development Party, Erdogan, Jemaat.

References

- Bal, I. (2000). Turkey's Relations with the West and the Turkic Republics: The Rise and Fall of the «Turkish Model». Ashgate.
- Fuller, G. (2002). The Future of Political Islam. *Foreign Affairs*, 8, 48–60.
- Murinson, A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy. *Middle Eastern Studies*, 42 (6), 947–61.
- Yavuz, H. (1998). Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism. *Critique*, 12, 19–43.
- Lauria, J. (2010) Reclusive Turkish Imam Criticizes Gaza Flotilla. *Wall Street Journal*, 4.
- Torbakov, I. Геополитическое давление вынуждает Турцию пересмотреть международные варианты [Geopolitical pressure forces Turkey to reconsider international options]. *eurasianet.org*. Retrieved from <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav012203.shtml> [in Russian].
- Achcar, G. (2004). Fantasy of a Region that Doesn't Exist: Greater Middle East: the US plan. *mondediplo.com*. Retrieved from <http://mondediplo.com/2004/04/04world>.
- Jackson, D. How WikiLeaks cables capture 21st-century Turkey. *The Washington Post*. (December 5, 2010). *washingtonpost.com*. Retrieved from <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/12/05/AR2010120503428.html>.
- Sait hazety «The economist» [Newspaper site «The economist»]. *economist.com*. Retrieved from http://www.economist.com/blogs/newsbook/2011/03/turkey_and_its_region